УДК 294.3
DOI: 10.30792/2949-5768-2024-8-186-198

В. В. Воробьёв

СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ЛЁГКОЙ ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ В БУДДИЗМЕ ТХЕРАВАДЫ

Статья посвящена анализу двух основных подходов к исследованию сознания, предложенных философом Дэвидом Чалмерсом: подходу от третьего лица и подходу от первого лица. Первый подход, характерный для западной научной традиции, рассматривает сознание через объективное наблюдение и физические корреляты, такие, как нейронная активность и поведение. Второй подход, предложенный Декартом, исследует сознание через субъективный опыт и внутренние состояния. Рассматривается также буддийская философия Тхеравады, предлагающая альтернативный взгляд на природу сознания, где субъективный опыт объясняется через объективный непрерывный поток моментов. В статье подчёркивается важность комплексного исследования сознания, объединяющего оба подхода для более полного понимания его природы и объяснения трудных проблем сознания, таких, как квалиа и свобода воли.

Ключевые слова: сознание, редукционизм, холизм, буддизм, легкая проблема сознания.

V. V. Vorobyov

WAYS TO SOLVING THE EASY PROBLEM OF CONSCIOUSNESS IN THERAVADA BUDDHISM

The article is devoted to analyzing two main approaches to the study of consciousness proposed by philosopher David Chalmers: the third-person approach and the first-person approach. The first approach, characteristic of the Western scientific tradition, views consciousness through objective observation and physical correlates such as neural activity and behavior. The second approach, proposed by Descartes, explores consciousness through subjective experience and internal states. Theravada Buddhist philosophy, which offers an alternative view of the nature of consciousness where subjective experience is explained through an objective continuous stream of moments, is also considered. The article emphasizes the importance of a comprehensive study of consciousness that

Воробьёв Валерий Владимирович – младший научный сотрудник научной лаборатории «Комплексные буддологические исследования» ФГБОУ ВО «Калмыцкого государственного университета имени Б.Б. Городовикова» (г. Элиста, Россия). E-mail: aristoteleus@yandex.com.

combines both approaches to better understand its nature and to explain difficult problems of consciousness, such as qualia and free will.

Keywords: consciousness, reductionism, holism, Buddhism, easy problem of consciousness.

Известный философ сознания Дэвид Чалмерс достаточно точно обозначил в своей статье «Consciousness and cognition» (Сознание и психика) два основных принципиальных подхода к исследованию сознания, к которым можно свести все остальные методы – подход от третьего лица и подход от первого лица. В первом случае мы имеем дело с наблюдаемыми фактами физического мира, которые связаны с работой мозга либо внешнего поведения и пр. Этот подход обуславливает само понимание феномена сознания, как не отличающегося от других явлений окружающего мира, которое можно либо редуцировать к физическим явлениям, либо игнорировать его специфическую не-физическую природу (как в случае с эпифеноменализмом). «С этой точки зрения, сознание изучается как научная проблема, например, как тепло, жизнь или ядерная физика, и поддаётся тем же методам исследования» [Чалмерс Эл. ресурс]. Но, говоря строго, само сознание в подходе от третьего лица не изучается, вместо этого ученый имеет дело с его т.н. коррелятами. Все науки, занимающиеся внешним наблюдением за деятельностью сознания, такие, как, например, бихевиористская психология или когнитивные нейронауки, относятся к этому подходу. Следует заметить, что этот подход обладает успехом в области построения абстрактных моделей работы мозга, объяснении поведения и даёт ценный материал для построения таких моделей. В частности, существует целая наука в области computer science – «нейронные сети», которая использует эти модели в построении систем искусственного интеллекта. Однако, как мы считаем, всего лишь формальное алгоритмизирование интеллектуальной деятельности не способствует проливанию света на тайну природы сознательного опыта, который не формален, но содержателен, семантичен. И вообще, надо заметить, что разделение подходов в изучении сознания на подход от первого и от третьего лиц само по себе является результатом неявного стремления рассматривать сознание как объективное явление окружающей среды и таким неявным образом отвечает принципам подхода от третьего лица. Следовательно, это разделение может зародиться только при объективном научном способе исследования

сознания. Ведь, так называемый, субъективный опыт подхода от первого лица здесь воспринимается как объективно существующее явление, однако не доступное данным измерительных приборов.

В этом, собственно, и кроется ключевое различие западного и восточного подходов к исследованию сознания. Западный можно обозначить как научно-ориентированный и по преимуществу «от третьего лица», он предполагает действительность окружающего мира, в который включено сознание, а восточный подход – скорее «от первого», который предполагает действительность сознания, в котором переживаются те или иные факты и таким образом не возникает противопоставления субъекта и объекта познания. Собственно говоря, найти соответствие между определенным сознательным опытом (как, например, восприятие красного цвета) и коррелирующим с ним образом действия нейронов в мозгу – значит решить лёгкую проблему сознания. Найти и доказать это соответствие – значит объяснить, как сознание связано с телом, что не так просто, как казалось бы на первый взгляд, и все опытные науки «третьего» подхода принимают эту связь как нечто само собой разумеющееся, что, конечно, не есть философский способ разрешения проблемы (в частности, это может быть показано на примере мысленных экспериментов о «бостонском зомби», «китайской комнаты» и «нейроученого Мэри»). В общем, главная мысль в этих экспериментах заключается в моделировании ситуации, при которой будет полное адекватное воспроизведение сознательного поведения либо мозговых процессов при полном отсутствии сопутствующих им обычно процессов ментальных.

Второй способ исследования собственно самого сознания – подход от первого лица (first-person approach) – впервые в западной философии был положен Декартом в его знаменитой формуле cogito ergo sum, которая переводится как «я мыслю, следовательно существую», где «мыслить» равно «быть». Попробуем воспроизвести мысленный эксперимент Декарта [Декарт 1994: 16–20]. Начинает он с «радикального сомнения» в существовании окружающего мира, будто мир есть иллюзия, и в этом сомнении обнаруживает самого себя, как сомневающегося, где само сомнение предстаёт прежде всего актом мышления, которое дано нам ближайшим образом и есть мы сами. В этом Декарт обнаружил фундаментальное отличие духовного начала от материального, принципиальную несводимость одного к другому и обозначил их как субстанции мыслящую и про-

тяжённую. Таким образом, любой человеческий акт восприятия какого-либо нечто сопровождается сознанием этого восприятия. Лейбниц развил эту тему, выделив перцепцию и апперцепцию как две формы данности вещей сознанию в зависимости от активности субъекта. «Я предпочёл бы проводить различие между восприятием и сознанием» [Лейбниц 1983: 133]. Если перцепция есть пассивное восприятие действия вещей на органы чувств, то апперцепция есть их осмысление, деятельное осознание, в котором субъект прежде всего дан самому себе, как источник этой деятельности. Собственно, в этой точке и возможно возникновение некоего удивления по поводу факта сознания – что оно вообще существует и в принципе является основой реальности, по сути, сотканной из феноменов. Чалмерс так определяет феномен квалиа: «Квалиа – это качественные аспекты наших ментальных состояний, наиболее ясные наши ощущения. В парадигму квалиа включаются, например, цветовые ощущения, или, допустим, ощущение шоколада, звук ноты До, радость и боль» [Чалмерс Эл. ресурс]. Иными словами, квалиа есть само переживание сознанием данности ему какого-либо нечто. Оно субъективно и его невозможно наблюдать, используя средства подхода от третьего лица, то есть традиционные научные методы. Тем не менее, это то, что дано нам ближайшим образом, это, говоря языком феноменологии, сама данность феномена каким он есть для сознания. И трудная проблема состоит, прежде всего, в том – почему такое субъективное состояние существует? Почему сугубо материалистические физико-химические процессы в мозгу сопровождаются нематериальным ментальным опытом? И есть ли связь между состояниями мозга и ментальными состояниями? Ведь со времен Декарта существует отчетливый разрыв в объяснении, эпистемологическая пропасть между ментальным и физическим, которое делает невозможно объяснить одно через другое. По большому счёт в дуализме проблема состоит не в том, что существует субъективный опыт, а в том, что существует некто созерцающий этот опыт, для которого он непосредственно дан. Именно на этой почве, на фундаментальном противопоставлении духовного и материального, в некоторых случаях – на попытках преодолеть дуалистическую парадигму, были основаны практически все современные теории в философии сознания, такие, к примеру, как редукционизм, физикализм, эпифеноменализм, панпсихизм, эмерджентизм и многие-многие другие, которые так же остаются в рамках, хоть и неявно, подхода от третьего лица, что в целом,

как упоминалось ранее, характерно для западного подхода к исследованию сознания.

Возможно, это диктуется самой направленностью западного человека на внешний мир объектов, где сознание подразумевается как один из объектов мира в силу самого объектного мышления исследователя, при этом есть риск утраты очень важного существенного момента самого сознания как предмета исследования – оно прежде всего является условием любой предметности, субъектом, а значит, онтологически исключает возможность быть объективированным, что делает его объектом исключительного исследования. «Наиболее трудноразрешимой проблемой в подходе от первого лица является то, что каждому субъективному ментальному состоянию существует соответствующее объективное (функционально выразимое) ментальное состояние» [Чалмерс Эл. ресурс]. В контексте этого рассуждения Чалмерс приводит пример с зомби – существом, внешне обладающим сознанием, где мы можем проследить это на всех онтологических уровнях – начиная с поведения и заканчивая электрохимическими реакциями в мозгу, но при этом не обладающим квалиа. Он вопрошает – может ли такое быть и даёт отрицательный ответ, по-видимому, намекая, что есть прямая связь между системным построением организма и возникшим у него вследствие этого строения субъективным опытом. Вопрос в том, почему поведение сопровождается субъективным переживанием этого поведения? И если поведение есть явление физического мира и подчиняется его законам, то есть, детерминировано причинно-следственными связями, то можно ли говорить об обусловленности сознания? Или, может быть, сознание – это ключ к уникальной человеческой свободе, то, что позволяет осознанно регулировать поведение в причинно-обусловленной физической реальности? А.Ю. Алексеев пишет: «Приложение проблематики зомби можно проследить во всех науках, в поле зрения которых роль, функции, структуры сознания. Очевидны применения в общественных и гуманитарных науках. Сегодня зомби в фокусе внимания исследователей искусственного интеллекта и служат основанием для критики либо поддержки таких перспективных направлений в информационной технологии, как искусственная жизнь, искусственная личность, искусственное общество. Способы идентификации зомби сродни тесту Тьюринга – базовому мысленному эксперименту философии искусственного интеллекта, предназначенному для определения интеллектуальности систем.

Тест на предмет выявления сознательность/бессознательности систем (*тест Зомби*) можно считать разновидностью теста Тьюринга» [Алексеев 2008: 146]. Чалмерс критикует эпифеноменализм, который утверждает ничтожность субъективного опыта, лишая его какого-либо значения с точки зрения его влияния на поведение и жизнь в целом. Это похоже на рассуждение Лейбница, когда он приводит аналогию между связью души с телом и тем, как физическое движение стрелки на циферблате часов отсчитывает невещественное, идеальное время, где связь между движением стрелки и временем не имеет внутреннего единства, а представлено скорее как совпадение двух порядков – реального и идеального – не сущностным, но чисто внешним образом, лишённым какой-либо внутренней необходимости и каузальной взаимообусловленности. Однако, эпифеноменализм утверждает обусловленность ментальных состояний событиями в мозгу, лишая сознание автономии и сомадостаточности, что не удовлетворяет Чалмерса. Далее в своей работе он переходит к рассмотрению функционализма, про который пишет: «Функционализм даёт недостаточно внятный ответ на вопрос, почему сознание существует. Этой точки зрения достаточно для смелого заявления «субъективный опыт возникает в силу нашей функциональной организации», однако он не объясняет почему» [Чалмерс Эл. ресурс]. Данное положение функционализма Чалмерс признаёт догматическим, хотя и не лишённым здравого смысла. Сознание есть функция, где аргументом выступает мозг, как системно-организованная целостность, субстрат и носитель. Таким образом, он критикует функционализм за то, что тот не в состоянии решить трудную проблему сознания. Функционализм, давая достойный ответ на вопрос о существе сознания, так и не покидает почву подхода от третьего лица. Однако он не отрицает жизнеспособность самой идеи, о чём ниже говорит «то, о чем я буду говорить ниже можно обозначить как функционализм плюс что-то» [Там же]. В итоге, он пытается разрешить эту проблему, объединив два подхода, как изучающие два аспекта некоторого целого. «Моё мнение, что объективно-наблюдаемые ментальные события – это процессы в мозгу, тогда как соответствующие им субъективные ментальные события – это информация. Исходя из вышесказанного об энерго-информации, можно сделать предположение, что те и другие ментальные состояния в самом деле есть два аспекта одного и того же, обозначенного энерго-информацией» [Чалмерс Эл. ресурс]. Выход, который предлагает Чалмерс, состоит в предположе-

нии, что те события, которые исследуются в режиме от третьего лица, состоят из шаблонов, схем, образов действия, которым соответствуют информация, воспринимаемая объективно. «Квалиа – это просто информация» [Там же]. Таким образом, посредством прояснения понятия квалиа он связывает его с действиями мозга в единое целое, обозначив его термином «pattern/information», что можно перевести как энерго-информация, где энергетические процессы есть обратная сторона информационных и наоборот. Он приводит пример, спрашивая, обладает ли термостат квалиа, и отвечает – да. Термостат энергетически обладает тремя состояниями, которым отвечают три соответствующие функции – слишком горячо, слишком холодно и нормально. Таким образом, заявляет он, процессы мозга и сознание являются частью единой системы, и если изменяется информация, то изменяются процессы, а если изменяются процессы – изменяется информация.

Физикалисты, в частности, и материалисты в философии сознания в целом упускают тот значительный факт, что даже если сознание целиком детерминировано, осознание и иные когнитивные процессы целиком обусловлены деятельностью мозга, и проблема сознания решается путём изучения таких процессов, их локализации и степени активности в конкретных участках мозга. Они упускают тот факт, что, прежде чем находить соответствие между тем или иным ментальным процессом и процессом мозговым, должны быть наиболее полным образом проработаны на языке ментальных процессов все возможные их варианты и сознание в его специфической сути, и только после того, как все когнитивные способности проанализированы, мы можем говорить о соответствующих им локализациях активности мозга. Например, мы сначала должны понять, что такое память и какие виды памяти существуют, ведь память – это ментальный процесс, значит, она нематериальная, по природе своей нефизичная и должна быть обнаружена только в качестве субъективно данного опыта, в подходе от первого лица, и только в таком статусе ей может затем приписываться тот или иной физически воплощенный материальный процесс в мозгу в качестве коррелирующего. Пример с памятью мы взяли намеренно простой и известный, другое дело, если речь идет о феноменах, доступных, к примеру, только при определённой подготовке, которой достигают специально обученные люди, как, например, состояние глубокой медитации, озарения, разнообразные виды измененных состояний созна-

ния, коих, как полагается, огромное множество (и столько же, возможно, неизвестных и не достигнутых ни одним из живших когда-либо людей), особые измененные состояния при научном и художественном творчестве. Это говорит об исключительной важности и первостепенности для философских исследований сознания и когнитивных наук изучения ментальных процессов с точки зрения подхода от первого лица в их субъективной данности. На данный момент нет оснований утверждать, что должным образом проанализированы всё возможные аспекты ментальной активности. Буддийская философия заслуженно отличается таковой детальной проработанностью, чего только стоит фундаментальное сочинение «Энциклопедия Абхидхармы» (Абхидхармакоша) с её обширным изложением структуры и содержания разнообразного сознательного опыта, и в этом смысле может предоставить ценный материал и богатый опыт исследований разнообразных аспектов ментальной активности, которые так же нуждались бы в экспериментальных научных наблюдениях подхода от третьего лица, более характерных для западной парадигмы в объяснении природы сознания.

Сознание в буддизме принято называть «потоком» из-за иллюзии наличия континуальной непрерывной связи между квалитативными моментами опыта, которые в силу причинно-следственных связей объединены в единый смысловой ряд. Основой для формирования существования такого потока личности служит память, сохраняющая отдельные «вспышки» опыта подобно бусинам, квантам опыта, задним числом нанизывая их на воображаемую нить, якобы делающую их связанными в действительности. «Главный признак буддизма – отрицание субстанциальности (анатмавада) и признание тотальной изменчивости (анитья) – обуславливает полное слияние времени и бытия, мгновенности и мгновенного. Времени как континуальной подоплёке изменчивости вещей противопоставляется временность, тождественная дискретности элементов бытия (дхарм), а реальности длительности – реальность момента, временного атома (кшаны). Однако если с точки зрения буддиских школ хинаяны моменты времени относительно реальны, то в буддизме время нереально, поскольку оно относительно» [Лысенко 1994: 207]. Тем не менее, если в случае с нейронауками и сопутствующей им методологией физикализма и в крайней степени – эпифеноменализма – мы имеем дело с попыткой элиминировать проблему сознания, избавиться от неё путём сведения всей

специфики сознательного опыта к материальным процессам в мозгу, что является формой физикалистского редукционизма либо редукции к поведению, как в случае с методами бихевиористской психологии, то в случае с буддизмом мы имеем нечто похожее, но только на уровне метафизическом. Таким образом, можно назвать это редукционизмом дхармическим, когда элиминируется специфика субъективного опыта потока и феноменологическая очевидность единства самосознания посредством логического рассуждения.

Немаловажным фактором в решении вопроса о достаточной наукоёмкости редукционистской методологии служит этический вопрос о свободе воли, ведь если сознание целиком сводимо к сугубо физическим процессам либо, как в случае буддийской философии – причинно-следственному возникновению и исчезновению дхарм в рамках процесса кшаникавады, то, значит, процесс принятия решения существом, обладающим сознанием, тоже детерминирован, и никакой речи о свободе воли идти не может. В частности, на стыке характерного для традиционной редукционистской науки и системного подхода, в целях разрешения парадокса свобода воли и совмещения двух аспектов в природе сознания (обусловленностью физическим и свободой воли) Дональдом Дэвидсоном был предложен в философии сознания концепт супервентности: «Легко понять тот факт, что, хотя каждое психологическое событие или состояние имеет физическое описание, это не даёт нам оснований надеяться на то, что любой физический предикат вне зависимости от своей сложности имеет такой же объем, как и данный психологический предикат, и в меньшей степени следует надеяться на то, что существует физический предикат, законоподобным образом соотносящийся с данным психологическим предикатом» [Дэвидсон 1993: 135]. Таким образом, тут нет отрицания того, что сознание полностью покоится на процессах мозга, наоборот, вместе с провозглашением его фундированности на физическом утверждается возможность обладания им не сводимых к физическим процессам свойств. Вместе с тем, в рамках рассмотрения решения лёгкой проблемы сознания следует отметить исследования буддийского ученого традиции Тхеравада Сувананды Сугунасири, который разработал концепцию комплексного ума в буддизме, в основе которой лежит теория триединого ума, впервые упомянутая американским нейробиологом Полом Маклином. Согласно этой концепции, мозг представляет из себя иерархически выстроенную

структуру, состоящую из трёх компонентов, которые являются основой для психических функций того или иного уровня. За самые примитивные функции отвечает т.н. «рептильный мозг», далее идёт лимбическая система и, наконец, неокортекс. Сувананда Сугунасири применил данную теорию для объяснения соотношения между тремя основными понятиями ума в буддизме – читта, манас и виньяна. То есть, в данном случае можно говорить о нахождении нейронных кореллятов для психических функций в целом и сознания в частности. Как пишет Сувананда, в буддологии существовала путаница между этими тремя понятиями, и зачастую бывает трудно определить, о чем идет речь – о психике в целом, о мышлении или о феноменальном сознании. [Сугунасири 2014: 9] Сувананда, тем самым, выделяет три вида ума, которые выступают в едином комплексе - воспринимающий ум (манас), рассуждающий ум (читта) и исполнительный ум (виньяна) [Сугунасири Эл. ресурс].

Противоположностью редукционизма в исследовании сознания служит так называемый системный подход, или холизм. Согласно словарю, «холизм (от греч. holos – целый) – методологический принцип целостности, сформулированный южноамерик. философом Я. Смэтсом в 1926 г. в его книге «Холизм и эволюция». Выражается в формуле «целое больше, чем сумма его частей»» [ЭЭиФН 2009: 1109]. Существенным понятием в системном подходе является так называемое «эмерджентное свойство». Весьма обстоятельный обзор эмерджентной методологии в отношении понимания сознания даёт Гарри Хант в своем труде «О природе сознания». В философском словаре пишут: «К идее эмерджентизма обращаются, в частности, представители философии сознания для объяснения психофизической корреляции при условии нередуцируемости ментальных качеств и событий к физическим событиями, а также те авторы, которые выражают скепсис относительно возможности установления психофизическим законов («аномальный монизм Д. Дэвидсона, нередуктивный физикализм, комбинирующий физикалистский онтологический монизм с дуализмом свойств, некоторые формы неонатурализма и др.) [ЭЭиФН 2009: 1109]. Вот что пишет про системные эмерджентные свойства О’Коннор: «Системы функционируют как целое, а это значит, что у них есть свойства, отличающиеся от свойств составляющих их частей. Они известны как эмерджентные, или возникающие, свойства. Они «возникают», когда система работает. Вообразите сто слегка отличающихся друг от друга кар-

тинок Микки Мауса. Ничего интересного. А теперь быстро пролистайте их одну за другой, и Микки оживёт. Вы получите мультфильм» [О'Коннор 2013: 31]. Таким образом, автор хочет сказать, что, хотя упорядоченное движение анимации и получилось на основе картинок, на которых оно базируется, тем не менее, само это свойство показывать объект в движении не сводится к простой сумме картинок, оно возникает как нечто более сложное и богатое по содержанию. Аналогично, возможно, сознание тоже хоть и порождается сугубо материальными процессами мозга, особой связью между нейронами, однако не сводится к их сумме. И именно на этом, новом уровне организации появляется свойство свободы, квалиа и многие другие свойства феноменологического уровня, отличные от детерминированности физических процессов, на которых они базируются, как на своём носителе. «Сознание обладает своими собственными холистическими свойствами и функциями, которые не только не сводимы к любой конкретной нервной подструктуре, но, в действительности, причинно управляют своими нервными составляющими более низкого порядка» [Хант 2004: 96], пишет Гарри Хант, анализируя выкладки известного американского нейропсихолога, лауреата Нобелевской премии по физиологии и медицине, Роджера Уолкотта Сперри. Таким образом, если редукционизм по-преимуществу даёт ответ на вопрос, как связано сознание и тело, то есть некое решение лёгкой проблемы сознания, то эмерджентизм пытается объяснить, почему сугубо материальные процессы мозга корреспондируются сложными ментальными процессами, привлекая к этому методы и понятийный аппарат системного анализа, и пытаясь решить уже трудную проблему сознания.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00803, https://rscf.ru/project/23-28-00803/.

ЛИТЕРАТУРА

Sugunasiri, Suwanda H. J. Triune Mind in Buddhism: A Textual Exploration / Sugunasiri, H. J. Suwanda // The Canadian Journal of Buddhist Studies. – 2014. – No. 10. – P. 7–48.

Алексеев А. Ю. Определение философских зомби / А. Ю. Алексеев // Философские науки. – 1/2008. – С. 126–148.

Гарри Хант. О природе сознания. С когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения / Хант Гарри. – Изд. Аст и др., 2004. – 555 с.

Декарт Р. – Сочинения в 2 томах. 2 том / Р. Декарт – Москва: Изд-во «Мысль», 1994. – 640 с.

Дэвидсон Д. Материальное сознание / Д. Дэвидсон / Аналитическая философия: Избранные тексты. – М., 1993. – 191 с.

Лейбниц Г. В. – Сочинения в 4 томах. Том 2 / Г. В. Лейбниц. – Академия наук СССР. – «Мысль», 1983. – 686 с.

Лысенко В. Г. Ранняя буддийская философия / В. Г. Лысенко // Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма / отв. ред. М. Т. Степанянц. – М.: Восточная литература РАН, 1994. – 383 с.

О'Коннор Дж. Искусство системного мышления: необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблема / Джозеф О'Коннор и Иан Макдермотт // пер. с англ. – 7-е изд. – М.; Альпина Паблишер, 2013. – 254 с.

Сугунасири Сувананда. Триединый ум в буддизме, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lankaweb.com/news/items/2015/03/01/triune-mind-in-buddhism/ (дата обращения: 02.08.2024).

Чалмерс. Сознание и Психика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://consc.net /papers/c-and-c.html.

Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.

References

Sugunasiri, Suwanda H. J. Triune Mind in Buddhism: A Textual Exploration / Sugunasiri, H. J. Suwanda // The Canadian Journal of Buddhist Studies. – 2014. – No. 10. – P. 7–48.

Alekseev A. Yu. Opredelenie filosofskih zombi / A. Yu. Alekseev // Filosofskie nauki. – 1/2008. – S. 126–148.

Garri Hant. O prirode soznaniya. S kognitivnoj, fenomenologicheskoj i transpersonal'noj tochek zreniya / Hant Garri. – Izd. Ast i dr., 2004. – 555 s.

Dekart R. – Sochineniya v 2 tomah. 2 tom / R. Dekart – Moskva: Izd-vo «Mysl'», 1994. – 640 s.

Devidson D. Material'noe soznanie / D. Devidson / Analiticheskaya filosofiya: Izbrannye teksty. – M., 1993. – 191 s.

Lejbnic G. V. – Sochineniya v 4 tomah. Tom 2 / G. V. Lejbnic. – Akademiya nauk SSSR. – «Mysl'», 1983. – 686 s.

Lysenko V. G. Rannyaya buddijskaya filosofiya / V. G. Lysenko // Rannyaya buddijskaya filosofiya. Filosofiya dzhajnizma / otv. red. M. T. Stepanyanc. – M.: Vostochnaya literatura RAN, 1994. – 383 s.

O'Konnor Dzh. Iskusstvo sistemnogo myshleniya: neobhodimye znaniya o sistemah i tvorcheskom podhode k resheniyu problema / Dzhozef O'Konnor i Ian Makdermott // per. s angl. – 7-e izd. – M.; Al'pina Pablisher, 2013. – 254 s.

Sugunasiri Suvananda. Triedinyj um v buddizme, 2015 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.lankaweb.com/news/items/2015/03/01/triune-mind-in-buddhism/ (da-ta obrashcheniya: 02.08.2024).

Chalmers. Soznanie i Psihika [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://consc.net /papers/c-and-c.html.

Enciklopediya epistemologii i filosofii nauki. – M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitaciya», 2009. – 1248 s.